

УДК 94+353.2

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-2-442-452

Оригинальное исследование

Эволюция правовой регламентации определения на гражданскую государственную службу в Российской империи в 30–90-е годы XIX века

Шатохин И.Т. , Шатохина С.Б.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: shatohin@bsu.edu.ru, shatohina@bsu.edu.ru ⁷

Аннотация. Изучение правовой регламентации определения на гражданскую государственную службу в Российской империи, начавшееся еще в имперский период, продолжается благодаря весьма обширной базе нормативных документов, что позволяет находить новые недостаточно изученные аспекты этой темы. Для решения поставленной задачи авторы опирались на уже введенные в научный оборот опубликованные нормативные документы, которые исследовались с использованием в основном историко-генетического, историко-сравнительного методов. Были определены основные тенденции в эволюционном развитии правовой регламентации определения на гражданскую государственную службу претендентов, которые касались возраста начала службы и занятия начальствующих должностей, роли уровня и качества образования в связке с сословной и национально-религиозной принадлежностью.

Ключевые слова: гражданская государственная служба, правовая регламентация службы, чиновничество, Российская империя, роль образования в карьере, возраст поступления на службу

Для цитирования: Шатохин И.Т., Шатохина С.Б. 2023. Эволюция правовой регламентации определения на гражданскую государственную службу в Российской империи в 30–90-е годы XIX века. Via in tempore. История. Политология, 50 (2): 442–452. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-442-452

Evolution of the Legal Regulation of the Definition of Civil Service in the Russian Empire in the 30–90s of the XIX Century

Ivan T. Shatokhin , Svetlana B. Shatokhina

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: shatohin@bsu.edu.ru, shatohina@bsu.edu.ru

Abstract. The study of the legal regulation of the definition of civil service in the Russian Empire, which began in the imperial period, continues thanks to a very extensive database of regulatory documents, which allows us to find new insufficiently studied aspects of this topic. To solve this problem, the authors relied on published normative documents already introduced into scientific circulation, which were studied using mainly historical-genetic, historical-comparative methods. The main trends in the evolutionary development of the legal regulation of the determination of applicants for civil service were identified, which concerned the age of the beginning of service and the occupation of senior positions, the role of the level and quality of education in conjunction with class and national-religious affiliation.

Key words: civil service, legal regulation of the service, officialdom, the Russian Empire, the role of education in a career, the age of admission to the service.

For citation: Shatokhin I.T., Shatokhina S.B. 2023. Evolution of the Legal Regulation of the Definition of Civil Service in the Russian Empire in the 30–90s of the XIX Century. *Via in tempore. History and political science*, 50 (2): 442–452 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-442-452

Введение

К 30-м годам XIX века в Российской империи сформировалась обширная правовая база, которая регламентировала всю разнообразную деятельность российского чиновничества всех многочисленных центральных и местных учреждений министерств и ведомств. В рассматриваемый период нормативная база продолжала развиваться, корректироваться и пополняться новыми правовыми актами. Общий объем таких документов составлял к началу XX века около десяти тысяч. Они были представлены, кроме законов, положениями, распоряжениями, инструкциями, циркулярами и иными актами. Содержательно эти документы регулировали множество вопросов формирования и деятельности коронных учреждений, в том числе вопросы определения на гражданскую государственную службу в различных ведомствах, порядка прохождения службы, получения классовых чинов, вопросы увольнения, награждения и наказания чиновников, их пенсионного обеспечения и т. п.

Изучение правовой регламентации государственной службы в России началось еще в имперский период. В основном это были работы историко-правового плана, в которых систематизировались правительственные меры и нормативные акты с целью выяснения, насколько эффективными они были для совершенствования правовой регламентации государственной службы [Евреинов, 1887; Карнович, 1897]. Исследователи XX века, работавшие в парадигме марксистско-ленинской методологии, в основном негативно оценивали деятельность государственного аппарата Российской империи, а потому и правовая база деятельности российского чиновничества либо оставалась вне поля исторического анализа, либо авторы акцентировали внимание на несомненно имевшихся негативных сторонах этой законодательной базы [Троицкий, 1974; Зайончковский, 1978; Ерошкин, 1981]. Более взвешенный, однако не лишенный порой комплиментарности в отношении законодательства Российской империи, подход наблюдается в работах историков конца XX – начала XXI века [Шепелев, 1999; Долгов, 2012; Дятлов, 2012; Воропанов, 2013; Белых, Дмитриев, 2021].

Объект и методы исследования

Для решения задач выяснения специфики эволюции правовой регламентации определения на гражданскую государственную службу в 30–90-е годы XIX века привлекались те нормативные документы, которые фиксировали все основные аспекты и обстоятельства приема на службу, действовавшие, скорректировавшиеся и вновь принимавшиеся в рассматриваемый период.

К середине XIX века кроме «Табели о рангах» в нормативно-правовую базу, на основе которой регулировались карьерная стратегия и тактика правительства, входили Основные законы Российской империи, петровский Генеральный регламент (1720 г.), «Устав о службе гражданской» (1832 г.), «Положение о порядке производства в чины по гражданской службе» (1834 г.), «Положение об Инспекторском департаменте гражданского ведомства» (1846 г.) и другие многочисленные нормативные акты верховной власти, Государственного совета, Комитета министров, Сената [Мельников, Нечипоренко, 2003, с. 69]. Это были такие акты, как «Общий наказ гражданским губернаторам» 1837 года и его переработанный вариант 1876 года, «Устав о службе по определению от правительства», Закон 9 декабря 1856 года «О производстве в чины по службе гражданской», «Общее губернское учреждение» 1876 года и др.

Ведомственные инструкции были настолько многочисленными, что издавались целыми томами. Так, в 1856 году был издан сборник циркуляров и инструкций по деятель-

ности губернатора в 5 томах [Шумилов, 1991, с. 26]. Фактически все тома Свода Законов Российской империи содержат юридические акты о государственной гражданской службе. Третий же том Свода законов содержит только уставы, регламентирующие гражданскую службу: Устав о Службе по определению от Правительства (840 статей); Устав о Пенсиях и Единовременных пособиях (747 статей), Положение об особых преимуществах службы в отделенных местностях, а также в Губерниях Западных и Царства Польского (57 статей) Уставы эмеритальных касс гражданского ведомства (486 статей).

Поставленные задачи решались с использованием в основном историко-генетического, историко-сравнительного методов. Это позволило выявить изменения в возрасте приема на службу, как менялась роль уровня и качества образования в увязке с социальным статусом претендентов на классные должности в коронных учреждениях, изменения в порядке приема на службы представителей различных социальных и национально-религиозных групп населения империи.

Участие авторов в проведении исследования и подготовки статьи к публикации было следующим. И.Т. Шатохин – автор идеи исследования, анализировал источники, подготовил текст статьи, сформулировал методологию и выводы. С.Б. Шатохина участвовала в подборе источников и литературы, в написании и редактировании текста статьи, занималась оформлением научно-справочного аппарата и текста статьи в соответствии с требованиями журнала.

Результаты и их обсуждение

Основопологающим законом, регламентировавшим основы гражданской государственной службы, был «Устав о Службе по определению от Правительства» (далее – «Устав»). Вне сферы действия этого закона из гражданских служащих в рассматриваемый период были гражданские чиновники военного и морского ведомств, а также чиновники таможенного, лесного и горного ведомств. Служба гражданских чинов в них определялась специализированными уставами, определявшими в целом правовые основы деятельности учреждений этих ведомств. При этом на гражданскую службу очень часто принимались лица с сохранением за ними военных классов чинов, и в некоторых случаях на них распространялись правовые положения военных уставов. В качестве примера можно привести зафиксированный порядок, при котором в Министерстве путей сообщения инженерам-путейцам одновременно присваивались военные и гражданские классные чины.

Не менее важным документом в рассматриваемый период была «Общая роспись начальствующих и всех должностных лиц Российской империи», содержащаяся в виде приложения в Своде законов Российской империи в редакции 1857 года. Содержание ее было определено двумя именными указами императора Николая I, которые были даны в 1835 году. «Это расписание классов должностей как бы усовершенствовало «Табель о рангах», в которой имелось значительное смещение распределенных по классам должностей и чинов» [Мельников, Нечипоренко, 2003, с. 69].

Сложившаяся к началу осуществления буржуазных реформ нормативно-правовая база государственной службы отражала специфику государственного устройства и управления. Неограниченная монархия, опиравшаяся, прежде всего, на дворянство, во второй четверти XIX века уже не могло учитывать в своей внутренней политике роли и влияния отечественной бюрократии. Не удивительны в этих условиях слова Николая I, оценивающие степень реальных властных полномочий российской бюрократии: «моей империей управляют двадцать пять тысяч столоначальников» [Государственная служба, 2000, с. 64]. О степени всевластия в николаевской России чиновничества достаточно красочно написал иностранец Адольф де Кюстин. Он отмечал, что страной «управляет класс чиновников, прямо со школьной скамьи занимающих административные должности, и управляет часто наперекор воле монарха... И, как это ни звучит парадоксально, самодержец всероссийский часто замечает, что он вовсе не так всемогущ, как говорят, и с удивлением, в котором он

боится сам себе признаться, видит, что власть его имеет предел. Этот предел положен ему бюрократией...» [Адольф де Кюстин, 1991, с. 616].

В основу законодательства о гражданской службе Российской империи были положены три важнейших принципа организации государственной службы: определение на государственную службу от Правительства, ранжирование должностей, чинопроизводство по выслуге лет. Обратимся к юридически прописанным процедурам осуществления государственной службы и практике их реализации в российской провинции.

Прежде чем рассматривать процедуру приема на службу, выясним круг претендентов на должности в гражданских коронных учреждениях российской провинции. Границы этого круга были определены действующим и постоянно корректировавшимся законодательством. Вектор изменений законодательства по этому вопросу в рассматриваемый период был направлен на расширение и демократизацию состава претендентов на замещение различных должностей в учреждениях государственного управления, особенно на местах, при ужесточении требований к их профессионализму и образованию.

Доступ на государственную службу всегда имел и имеет ныне определенные ограничения. Традиционным, и не только для Российской империи, было ограничение для участия в государственном управлении для женщин. По существовавшей в России традиции женщины не принимались на чиновничьи должности в системе государственного управления. В российском законодательстве не существовало какого-либо специального оговоренного запрета для женщин на такую деятельность. Это не укладывалось в сложившуюся систему представлений власть предержащих и общества в целом. Только по мере реализации реформ 1860–70-х годов женщины стали принимать «по найму» для работы в казенных медицинских и образовательных учреждениях, а затем на различные должности в почтово-телеграфных конторах. И обусловлено это было, с одной стороны, эмансипацией и стремлением женщин к самостоятельной общественно значимой деятельности, а с другой – ростом емкости рынка труда, особенно в таких сферах, которые были по силам и образовательной подготовке женщин. В 1889 году у женщин появились возможности для реализации себя в центральных и местных структурах Государственного контроля и Министерства путей сообщения на бухгалтерских и конторских должностях. При этом принимались они на эти должности «без предоставления сим лицам каких-либо прав и преимуществ, государственной службой приобретаемых» [Архипова, Румянцева, Сенин, 1999, с. 114]. Видя успехи женщин на государственной службе, борьбу за привлечение их на работу в земских управах предпринимают сами земцы в начале XX века. Так, летом 1905 г. комиссия Воронежской губернии земской управы в докладе на имя царя настойчиво предлагала привлечь «женщин к работе в местных органах самоуправления» [Михалев, 1999, с. 63].

Вторым ограничением естественного характера был возраст претендентов на службу в коронных учреждениях. Верхнего возрастного предела для государственной службы закон не предусматривал. Долгое время в России не было и установленного законом нижнего возрастного предела. В начале XIX века известны случаи, когда чиновничьи должности занимали дети в возрасте 9–13 лет. Такое положение дел не могло сохраняться, поэтому в 1828 году был установлен нижний возрастной порог для приема на службу – 14 лет, при этом делалась оговорка, что действительная служба начиналась только с 16 лет [Писарькова, 1995, с. 5]. Для занятия некоторых должностей, особенно начальствующих, устанавливался возрастной порог в 21 год, 25 и даже 35 лет [Архипова, Румянцева, Сенин, 1999, с. 115]. В дальнейшем этот общий нижний порог поступления на государственную службу прочно вошел в законодательство¹¹, таким образом, возраст поступления на службу был обусловлен возрастом служебной публичной дееспособности.

¹¹ Устав о службе по определению от Правительства, Ст. 14 // Свод Законов Российской империи. Т. III. – СПб., 1896.

На службу в систему государственного управления не могли быть приняты те, кого закон признавал частично или полностью недееспособным по состоянию здоровья¹². Это были лица, страдавшие различными психическими болезнями и расстройствами: безумные от рождения, сумасшедшие, страдающие одряхлением, лунатизмом и т. п.

Законодательство ограничивало или прямо запрещало проникновение на государственную службу тем, кто совершил преступления или запятнал себя порочающим поведением. Причем только одно обстоятельство категорически и навсегда закрывало дверь в коронное учреждение для занятия любой должности на государственной службе – исключение из службы по приговору суда с лишением всех прав состояния¹³. Даже отрешение по суду от должности не лишало это лицо права через три года обратиться к своему начальству с прошением об определении на службу. На усмотрение Правительствующего Сената передавались прошения тех лиц, которые пребывали под судом или следствием и освобождены были от уголовного преследования Высочайшим манифестом. Уволенные от службы за предосудительные поступки по распоряжению Императора могли вновь попытаться счастье вернуться на службу. Закон давал такую возможность. Изгнанный монархом с занимаемой должности мог по прошествии двух лет подать прошение на имя императора. К нему он должен был приложить свидетельство от губернского предводителя дворянства, если он был дворянин, или от уездного исправника, если он был выходцем из любого другого сословия, о добропорядочном поведении в эти годы. Свидетельство это должно было быть утверждено губернатором той губернии, в которой проживал претендент, пытавшийся возвратиться на службу. Только в таком случае император мог отменить свое прежнее решение и Высочайше разрешить уволенному им же ранее вернуться к служебной деятельности. В любое время мог просить начальство о поступлении на службу чиновник, удаленный начальством от должности за неспособность к службе, за неблагонадежность, за недоказанную вину, известную начальству¹⁴.

Такой законодательный либерализм вовсе не означал, что возможность возвращения на государственную службу предоставлялась начальством всем обратившимся по этому вопросу. Принимая на службу опорочившего себя преступлением или проступком, начальство брало на себя особую ответственность и ставило свою карьеру в зависимость от поведения в будущем неблагонадежного лица. Очень мало было начальствующих, которые так рисковали, добровольно ставя себя в зависимое положение. Кроме того, начальствующие имели большое количество законных оснований отказать в прошении такому лицу, так как нормативные документы требовали от принимаемых на службу быть образцом нравственности, быть честным, добропорядочным, стойким перед искушениями «мздоимства» и «сребролюбия». Таким образом, государство в лице начальства стремилось оградить авторитет корпуса государственных служащих, демонстрируя негативное отношение к коронным чиновникам, опорочившим себя на службе или в жизни.

Государство не приветствовало переход священнослужителей на другую государственную службу, устанавливая запретительные сроки для такого перехода. В течение 10 лет священникам и 6 лет диаконам было запрещено подавать прошение о приеме на любую должность в государственных структурах империи, если они по своей воле сложили с себя духовный сан. Этот срок для священников увеличивался до 20 лет, т. е. фактически до конца работоспособного возраста, если его изгоняли из церкви за неблаговидные поступки или пороки¹⁵. Так государство стремилось удержать духовенство в своей профессиональной нише. Ведь для представителей других сословий, оставивших по собственной воле государственную службу на гражданском или военном поприще, таких ограничений не было. Очень

¹² Устав о службе по определению от Правительства, Ст. 705.

¹³ Устав о службе по определению от Правительства, Ст. 199.

¹⁴ Устав о службе по определению от Правительства, Ст. 12, 195, 195, 197, 198, 788.

¹⁵ Устав о службе по определению от Правительства, Ст. 12.

часто оставляли службу по личным мотивам на долгие годы гражданские чиновники и военные, а затем возвращались в свое или другое ведомство, сохраняя классные чины¹⁶.

Весьма существенным ограничением круга претендентов на должности государственной службы было наличие и уровень образования кандидатов. К началу рассматриваемого периода неоднократно в законодательстве регламентировался вопрос образовательного минимума для занятия должностей в органах государственного управления и порядка продвижения по служебной лестнице. В 1834 г. принимается новое «Положение о порядке производства в чины по гражданской службе», которое отменяет установленный ранее образовательный ценз. Положение сохранило правило, при котором количество лет выслуги зависело от уровня образования чиновника. Оно выражалось в трех траекториях выслуги лет для получения следующего классного чина в зависимости от образовательного уровня: высшее, среднее и домашнее [Мельников, Нечипоренко, 2003, с. 76]. Такой порядок просуществовал до 1857 года, когда выслуга лет перестала зависеть от того, с каким образованием человек занимал должность на государственной службе. Для начала службы был установлен минимальный образовательный ценз. Теперь при поступлении на службу претендент должен был представить документ об образовании не ниже объема уездного училища. Первый классный чин зависел от того, какое образование он имел, даже от того, с какими успехами он завершил обучение [Миронов, 2003, с. 203].

С формальной точки зрения уровень образования не имел решающего значения для занятия той или иной должности в аппарате государственного управления и карьерного успеха. Даже на рубеже XIX–XX веков для поступления на государственную службу было вполне достаточно иметь свидетельство об окончании уездного училища или выдержать экзамен в объеме учебной программы этого учебного заведения [Мельников, Нечипоренко, 2003, с. 78]. Тем не менее в условиях модернизационного развития страны во второй половине XIX века уровень образования выходит на первый план в числе факторов, определяющих карьеру чиновника. Наиболее высокими конкурентными преимуществами обладали выпускники высших учебных заведений, особенно специальных вузов, в своей профессиональной сфере.

Стремление выпускников высших учебных заведений поступить на государственную службу было обусловлено рядом льготных условий. Они начинали службу сразу с чинов X–IX классов. Привлекательными были также перспектива последовательного служебного продвижения по выслуге лет, законодательное обеспечение повышения в чинах, престижность статуса государственного служащего, достаточно высокое материальное содержание для классных чиновников, а также гарантированное пенсионное обеспечение. «Как показывает анализ занятости вузовских выпускников за 1898–1916 гг., 74 % их находилось на службе в государственном аппарате. По свидетельству руководителей народнохозяйственных вузов, распространенным явлением 90-х гг. являлось поступление молодых специалистов-отраслевиков на государственную службу, которая открывала им перспективу карьеры, предоставляла лучшие условия для самореализации, обеспечивала статусные, материальные и другие преимущества по сравнению с негосударственными секторами» [Мельников, Нечипоренко, 2003, с. 81–82].

Более пристальное внимание к образованию, его уровню и качеству – вполне закономерное явление в пореформенный период, обусловленное усложнением задач государственного управления в российской провинции, углублением его специализации. Однако даже в начале XX века минимальный образовательный ценз для занятия классных должностей государственной службы включал в себя лишь умение читать и писать. При этом такие минимальные требования не могли быть применены для кандидатов на должности, требовавшие получения профессиональной подготовки в специализированных образовательных учреждениях. Высшее или среднее профессиональное образование требовалось для службы в медицинских и образовательных учреждениях, в учреждениях горного и лесного ведом-

¹⁶ Устав о службе по определению от Правительства, Ст. 53, 191.

ства. В учреждениях суда, следствия и прокуратуры в исключительных случаях закон допускал при занятии должности наличие у чиновников многолетнего служебного опыта в этой сфере¹⁷. Для замещения вакансий во многих учреждениях Министерства внутренних дел, даже в местных учреждениях Министерства финансов, Государственного контроля наличие специального высшего или среднего образования не требовалось.

Сложная система ограничений для определения на службу в коронные учреждения определялась спецификой сформировавшейся к рассматриваемому периоду социальной политики Российской империи. Прежде всего, на классные должности в местных коронных учреждениях принимались представители тех социальных групп, на которые верховная власть могла положиться. Это, прежде всего, потомственные дворяне, личные дворяне и их сыновья, выходцы из православного, армяно-григорианского, евангелическо-протестантского духовенства, а также получившие в российских университетах степень доктора, магистра или кандидата сыновья художников и ученых. Всем этим лицам при подаче прошения достаточно было иметь минимальный образовательный ценз, чтобы занять одну из вакантных классных должностей в местном коронном учреждении. Для всех других социальных групп Российской империи законодательством были установлены разной степени сложности ограничения при поступлении на службу. Однако даже категорические ограничения имели исключения, обходные пути, установленные тем же законодательством. Вполне официально, согласно Уставу о гражданской службе, на должности VIII–XIV классов в исключительных случаях могли быть приняты лица без соответствующих классных чинов и даже не обладающие правом поступать на государственную службу. Устав определял 33 категории таких должностей [Черепанова, 2014, с. 169].

Одной из установленных законом лазеек для проникновения в корпус коронных классных чиновников было разрешение на занятия в канцеляриях должностей переписчиков, курьеров и других служительских мест выходцами их податных сословий. Существовал целый ряд малопrestижных и непривлекательных для дворян и иных привилегированных групп, хотя и требовавших специальной подготовки, но технического и вспомогательного характера, не дающих определенных перспектив карьерного роста. Это телеграфисты, кондукторы, письмоводители, канцелярские служители, библиотекари, бухгалтеры, учетчики, межевщики, топографы, переводчики, тюремные надзиратели, полицейские должности, актеры и иные театральные служители. На эти должности принимались прежде всего выходцы их всех состояний, в том числе и из податных сословий¹⁸. Через 20 лет беспорочной службы они имели законное право претендовать на первый классный чин, если по обстоятельствам службы они не добились этого ранее. Дети же этой категории и вовсе делали открытым доступ к государственной службе на классных должностях¹⁹.

Таким образом, заслуги отцов создавали еще одну лазейку для проникновения выходцев из непривилегированных сословий в состав российской провинциальной бюрократии, постоянно нуждавшейся в пополнении своих рядов. Более широкий путь проникновения в ряды коронного чиновничества лиц из бывших податных сословий в пореформенный период был обусловлен развитием образования. В этом отношении все, кто получил свидетельство об окончании среднего или высшего учебного заведения, были потенциальными кандидатами на классные должности в коронных учреждениях. Окончившие гимназии с особым отличием и награжденные при этом золотой или серебряной медалью, а также студенты духовных семинарий принимались на службу без учета социального происхождения с чином XIV класса Табели о рангах.

Для выпускников университетов были определены следующие условия получения классных чинов в том случае, если они поступали на государственную службу. XII класс-

¹⁷ Учреждение судебных постановлений. – СПб., 1917. – Ст. 6.

¹⁸ Устав о службе по определению от Правительства, Ст. 45, 145–146, 311.

¹⁹ Устав о службе по определению от Правительства, Ст. 5.

ный чин присваивался тем выпускникам университетов, которые получали дипломы второй степени, кандидатам в действительные студенты Варшавского и Юрьевского университетов, а также Демидовского юридического лицея. Обладателями X классного чина становились выпускники университетов с дипломом первой степени, действительные студенты Варшавского и Юрьевского университетов, а также Демидовского юридического лицея. Выпускники университетов со степенью кандидата могли рассчитывать на IX, а доктора – на VIII классный чин [Архипова, Румянцева, Сенин, 1999, с. 115–116].

В 1845 г. действительный студент Московского университета А.Ф. Писемский был принят на службу в Костромскую палату государственных имуществ канцелярским чиновником, и только по истечении полутора месяцев последовал указ Сената об утверждении его в чине губернского секретаря [Плеханов, 1986, с. 69].

Насколько заметным был поток разночинцев в чиновничий корпус, косвенно свидетельствует знаменитый циркуляр о «кухаркиных детях». В 1881 году этой мерой правительство попыталось воспрепятствовать размыванию дворянского доминирования в этой среде. Несмотря на то, что законодательство вводило определенные ограничения по словесному признаку, они не имели непреодолимого характера для поступления на государственную службу. Сословные ограничения, заложенные изначально в законодательство о государственной службе, к началу XX века в большинстве случаев утратили практическую целесообразность, стали анахронизмом.

Заключение

Устойчивой тенденцией в эволюции правовой регламентации приема претендентов на должности в гражданском управлении стало более пристальное внимание к уровню и качеству образования потенциальных чиновников. Усложнение управленческих функций, внедрение технологических новаций в условиях социально-экономической модернизации страны требовали более грамотных и подготовленных чиновников. В 30–90-е годы XIX века в Российской империи сформировались целые отрасли управления, в которых без специального, зачастую высшего образования невозможно было в принципе выполнять должностные обязанности.

К началу рассматриваемого периода в законодательство был введен нижний возрастной порог для приема на службу, а затем появились нижние возрастные ограничения на занятие тех или иных руководящих должностей в коронном управлении. Стали внедряться послабления, которые позволили замещать ряд должностей женщинами, однако это касалось в основном вспомогательного персонала.

Постепенно в рассматриваемый период преодолевались пережитки феодальной традиции в формировании российского чиновничества. Сословные и национально-религиозные ограничения и, наоборот, привилегии шаг за шагом уступали место более демократичной практике вовлечения в сферу управления прежде всего лиц, обладающих профессиональной подготовкой, в том числе и на различные руководящие позиции. Поэтому логическим завершением эволюции правовой регламентации определения на гражданскую государственную службу в рассматриваемый период можно считать Указ Николая II «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий». И хотя он был принят 5 октября 1906 года, но, несомненно, это был один из позитивных результатов первой русской революции, хотя он всего лишь де-юре закрепил то, что уже давно практиковалось в системе государственной службы: чиновничество постоянно пополнялось лицами, не имевшими формальных прав на занятие мест в коронных учреждениях.

Список литературы

Адольф де Кюстин. 1991. Россия в 1839 году. Россия первой половины XIX века глазами иностранцев / Сост. Ю.А. Лимонов. Ленинград, Лениздат: 421–660.

- Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С. 1999. История государственной службы в России. XVIII–XX века. Москва, РГГУ, 231 с.
- Белых А.А., Дмитриев А.Л. 2021. Образование и происхождение: из истории гражданской службы в России в XIX веке. Экономическая политика. 16 (4): 144–169.
- Воропанов В.А. 2013. Развитие системы отбора и подготовки кадров государственной гражданской службы в Российской империи в первой половине XIX в. Социум и власть. 6 (44): 84–89.
- Государственная служба. 2000. Отв. ред. А.В. Оболонский. Москва, Издательство «Дело» АНХ, 512 с.
- Долгов А.А. 2012. Формирование правовых основ государственной службы и социальный состав служащих в Российской империи второй половины XVIII века. Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. 4 (18): 16–20.
- Дятлов В.А. 2012. Особенности социального положения чиновничества Российской империи в первой половине XIX века (на примере Пензенской и Саратовской губерний). Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского. 27: 601–604.
- Евреинов А.И. 1887. Гражданское чиновничество в России. Санкт-Петербург, Типогр. А.С. Суворина, 87 с.
- Ерошкин Н.П. 1981. Крепостническое самодержавие и его политические институты. Москва, Мысль, 252 с.
- Зайончковский П.А. 1978. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. Москва, Мысль, 288 с.
- Карнович Е.П. 1897. Русские чиновники в былое и настоящее время. Санкт-Петербург, Типогр. П.П. Сойкина, 127 с.
- Мельников В.П., Нечипоренко В.С. 2003. Государственная служба в России: отечественный опыт организации и современность. Москва, Издательство РАГС, 506 с.
- Миронов Б.Н. 2003. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Санкт-Петербург, Дмитрий Буланин, 2: 583 с.
- Михалев О.Ю. Либеральное движение воронежских земцев в конце 1904–1905 годах // Общественная и культурная жизнь Центральной России в XVII – начале XX века: Сб. науч. трудов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. – С. 55–67.
- Писарькова Л.Ф. 1995. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века. Человек. 3. URL: http://vivovoco.nns.ru/VV/PAPERS/MEN/PISAR_1.HTM
- Плеханов С.Н. 1986. Писемский. Москва, Молодая гвардия, 285 с.
- Троицкий С.М. 1974. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: формирование бюрократии. Москва, Наука, 384 с.
- Устав о службе по определению от Правительства. 1896. Свод Законов Российской империи Санкт-Петербург, 3: 1–727.
- Учреждение судебных постановлений. 1891. Санкт-Петербург, 231 с.
- Черепанова И.В. 2001. Государственная служба Российской империи XIX века (теоретическое исследование). Дис. ... канд. юр. наук. Омск, 233 с.
- Шепелев Л.Е. 1999. Чиновный мир России XVIII – начала XX в. Санкт-Петербург, Искусство-СПб, 477 с.
- Шумилов М.М. 1991. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX века. Москва, Прометей, 218 с.

References

- Adolf de Kjustin. 1991. Rossija v 1839 godu. Rossija pervoj poloviny XIX veka glazami inostrancev [Russia in 1839. Russia in the first half of the 19th century through the eyes of foreigners]. Sost. Ju.A. Limonov. Leningrad, Lenizdat: 421–660 (in Russian).
- Arhipova T.G., Rumjanceva M.F., Senin A.S. 1999. Istorija gosudarstvennoj sluzhby v Rossii XVIII–XX veka [History of public service in Russia. XVIII–XX centuries]. Moskva, RGGU, 231 p. (in Russian).
- Belyh A.A., Dmitriev A.L. 2021. Obrazovanie i proishozhdenie: iz istorii grazhdanskoj sluzhby v Rossii v XIX veke [Education and origins: from the history of the civil service in Russia in the 19th century]. Jekonomicheskaja politika. 16 (4): 144–169 (in Russian).

- Cherepanova I.V. 2001. Gosudarstvennaja sluzhba Rossijskoj imperii XIX veka (teoreticheskoe issledovanie) [Public service of the Russian Empire in the 19th century (a theoretical study)]. Dis. ... kand. jur. nauk. Omsk, 233 p. (in Russian).
- Dolgov A.A. 2012. Formirovanie pravovyh osnov gosudarstvennoj sluzhby i social'nyj sostav sluzhashchih v rossijskoj imperii vtoroj poloviny XVIII veka [Formation of the legal foundations of public service and the social composition of employees in the Russian Empire in the second half of the 18th century]. Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2012. 4 (18): 16–20 (in Russian).
- Djatlov V.A. 2012. Osobennosti social'nogo polozhenija chinovnichestva rossijskoj imperii v pervoj polovine XIX veka (na primere Penzenskoj i Saratovskoj gubernij) [Features of the social position of the bureaucracy of the Russian Empire in the first half of the 19th century (on the example of the Penza and Saratov provinces)]. Penzenskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. V.G. Belinskogo. 27: 601–604 (in Russian).
- Evreinov A.I. 1887. Grazhdanskoe chinoproizvodstvo v Rossii [Civil chinoproizvodstvo in Russia]. Sankt-Peterburg, Tipogr. A.S. Suvorina, 87 p. (in Russian).
- Eroshkin N.P. 1981. Krepostnicheskoe samodержавие i ego politicheskie instituty [Feudal autocracy and its political institutions]. Moskva, Mysl', 252 p. (in Russian).
- Gosudarstvennaja sluzhba [Public service]. 2000. Otv. red. A.V. Obolonskij. Moskva, Izdatel'stvo «Delo» ANH, 512 p. (in Russian).
- Karnovich E.P. 1897. Russkie chinovniki v byloe i nastojashhee vremja [Russian officials in the past and present]. Sankt-Peterburg, Tipogr. P.P. Sojkina, 127 p. (in Russian).
- Mel'nikov V.P., Nechiporenko V.S. 2003. Gosudarstvennaja sluzhba v Rossii: otechestvennyj opyt organizacii i sovremennost'[Public service in Russia: domestic experience of organization and modernity]. Moskva, Izdatel'stvo RAGS, 506 p. (in Russian).
- Mironov B.N. 2003. Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [Social history of Russia in the period of the empire (XVIII – early XX century)]. Sankt-Peterburg, Dmitrij Bulanin, 2: 583 p. (in Russian).
- Mihalev O.Ju. Liberal'noe dvizhenie voronezhskih zemcev v konce 1904–1905 godah [Liberal movement of the Voronezh Zemstvo in late 1904–1905]. Obshhestvennaja i kul'turnaja zhizn' Central'noj Rossii v XVII – nachale XX veka: Sb. nauch. trudov. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta: 55–67 (in Russian).
- Pisar'kova L.F. 1995. Rossijskij chinovnik na sluzhbe v konce XVIII – pervoj polovine XIX veka [Russian official in the service at the end of the 18th – the first half of the 19th century. Human. 3]. Chelovek. 3. URL: http://vivovoco.nns.ru/VV/PAPERS/MEN/PISAR_1.HTM (in Russian).
- Plehanov S.N. 1986. Pisemskij [Pisemsky]. Moskva, Molodaja gvardija, 285 p. (in Russian).
- Shepelev L.E. 1999. Chinovnyj mir Rossii XVIII – nachalo XX v. [Bureaucratic world of Russia XVIII – early XX century] Sankt-Peterburg, Iskusstvo-SPb, 477 p. (in Russian).
- Shumilov M.M. 1991. Mestnoe upravlenie i central'naja vlast' v Rossii v 50-h – nachale 80-h gg. XIX veka [Local government and central government in Russia in the 50s – early 80s. XIX century]. Moskva, Prometej, 218 p. (in Russian).
- Troickij S.M. 1974. Russkij absoljutzizm i dvorjanstvo v XVIII v.: formirovanie bjurokratii [Russian Absolutism and the Nobility in the 18th Century: The Formation of the Bureaucracy]. Moskva, Nauka, 384 p. (in Russian).
- Ustav o sluzhbe po opredeleniju ot Pravitel'stva [Charter on service by definition from the Government]. 1896. Svod Zakonov Rossijskoj imperii Sankt-Peterburg, 3: 1–727 (in Russian).
- Uchrezhdenie sudebnyh postanovlenij [The establishment of judgments]. 1891. Sankt-Peterburg, 231 p. (in Russian).
- Voropanov V.A. 2013. Razvitie sistemy otbora i podgotovki kadrov gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby v rossijskoj imperii v pervoj polovine XIX v. [Development of the system of selection and training of civil service personnel in the Russian Empire in the first half of the 19th century] Socium i vlast'. 6 (44): 84–89 (in Russian).
- Zajonchkovskij P.A. 1978. Pravitel'stvennyj apparat samodержavnoj Rossii v XIX v. [The government apparatus of autocratic Russia in the XIX century]. Moskva, Mysl', 288 p. (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 23.05.2023
Поступила после рецензирования 01.06.2023
Принята к публикации 01.06.2023

Received 23.05.2023
Revised 01.06.2023
Accepted 01.06.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шатохин Иван Тихонович, профессор кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-4686-3560](https://orcid.org/0000-0002-4686-3560)

Ivan T. Shatokhin, Professor of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Шатохина Светлана Богдановна, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-9119-8774](https://orcid.org/0000-0002-9119-8774)

Svetlana B. Shatokhina, Associate Professor of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia